

Сад Авалона

оо: В саду

Нежные равнины покрывал цветочный ковёр всевозможных оттенков. Пейзаж, разделённый на две ровные половинки – небо и землю – загораживал лишь лес, видневшийся вдалеке. Здесь не было ни оград, ни домов, возведённых людьми, не было и таких явлений, как стены, замки и страны.

Дни сплетались из лучей весеннего солнца и запахов лета, ночи же окутывали осенний ветерок и прохлада зимнего неба.

На этой земле царствовали насекомые и росли цветы. Леса давали кров воде, растительности и различным животным. А в озере жили прекрасные феи.

То, как люди представляли себе рай, было лишь жалким подобием этого царства, острова на краю мира, запретного для них. В мифах он назывался Страной вечной весны, Островом яблок, далёкой утопией, где обитали разумные звери. Существова бок о бок с человеческой историей, эта земля тем не менее была чуждой, не запятнанной циклами упадка и разрушения на поверхности планеты.

Это место, где пребывала душа Земли носила ещё одно имя. Авалон. Внутреннее море планеты.

— Нет, выражаться так тоже не совсем правильно. В конце концов, оно существует как внутренней стороне, так и на внешней. Место одно и то же, просто дело в смещении на несколько фаз.

В саду находился некто, внешне похожий на человека. Мужчина в мантии, простой, но сшитой из лучшей ткани. Его длинные волосы переливались на солнце всеми цветами радуги, а спокойный взгляд был устремлён вдаль.

Он шёл по морю цветов, разговаривая с ними, словно с друзьями. Не тревожа ни единого лепестка, мужчина напевал что-то себе под нос без всяких тревог и колебаний. Несомненно, он был странствующим мудрецом, заблудившимся в этих неведомых землях.

В конце концов, он сам не знал пути назад, да и возвращаться ему было некуда. Скажи ему, что это мир после смерти, и он просто смиренно кивнёт. Но он несколько не боялся, потому что сам был чуждым существом. Поговаривали, что живому человеку не войти в этот рай, однако человеком он был только внешне.

Для него реальность и этот рай были одним и тем же: домом для других. В обоих мирах он был чужаком, всего лишь гостем. С самого начала он придерживался своих ценностей и не сближался ни с людьми, ни с раем. Став целью женщины, которую он избегал, мужчина решил пересечь границу и добровольно ступил на эту неизведанную землю.

— Но это ужасно. Магическая энергия здесь слишком плотная. Словно вакуум. Один обычный вдох может убить. Жители нынешней эпохи просто лопнули бы. Это место, может, и зовётся раем, но не делает ли это его, скорее, оружием?

Высказывая свои мысли вслух, мужчина продолжал идти по саду.

Говоря про нынешнюю эпоху, он имел в виду внешнюю сторону мира. Оставив позади островное королевство пятого столетия на грани падения, он добрался до этого рая в одиночку. Мужчина был придворным магом одного короля, но перед последней битвой своего господина ему пришлось бежать по крайне личным причинам, связанным с женщиной.

— Ах, как и ожидалось. Мордред удалось подбить на восстание лордов, недовольных суровым королём-идеалистом. Обвиняя её в последних суровых зимах, они подняли мятеж.

Мужчина продолжал идти вперёд. Цветов, которые он старался не повредить, становилось всё меньше.

У острова не было границ, но это не значило, что он не менялся. Чем ближе к краю, тем более засушливой становилась земля, напоминая Британию во внешнем мире. Ступая по бесплодной пустоши, вновь начал напевать и размахивать посохом.

Несмотря на отсутствие признаков волшебства или таинства, там, где его нога касалась земли, непостижимым образом распускались цветы. Причиной было не его желание украсить сад и не жалость к этой пустоши. Просто для существа вроде него это была так же естественно, как дышать.

Цветы для земли. Сны для людей. И будущее для нашей истории. Такова была его особенность и истинная природа.

Его звали Мерлин, Маг цветов. Тот, кто возвышался даже над величайшими волшебниками во многих мифах и легендах.

Порождённый союзом между человеческой женщиной и инкубом, он обладал глазами, которые видели мир насквозь и служили свидетельством его высочайшего магического мастерства.

— Ну, может, и высочайшего, но мне по силам лишь сеять семена. То, что я вижу дальше обычного человека, не значит, что нас можно сравнивать.

Ясновидение. Способность объять взглядом другие места, не сходя с места. В древние времена боги оставили землю шаманам и доверили им эту силу для защиты человеческих жизней. Какими бы качественными ни были их Магические цепи, какие бы масштабные ритуалы они ни проводили, без этих глаз их нельзя было считать выше других.

С самого своего рождения Мерлин мог видеть всё в своей эпохе, не делая ни шага, вплоть до мельчайших деталей.

До него существовали маги, обладавшие глазами, позволявшими им наблюдать за прошлым и даже будущим, и они тоже, несомненно, возвышались над остальными.

Однако единственным живым магом с Ясновидением был только Мерлин. Его предшественники обрели на гибель свои королевства и исчезли из мира людей.

Если знание было основой и в то же время самыми дальними глубинами магии, то обладатели Ясновидения познали истину мира. Они являлись людьми и одновременно еретиками, не способными постичь собственные ценности.

Мерлин не мог видеть прошлое и поэтому не понимал, как живут люди. Он лишь мельком видел их чувства. Если оставить человеческое общество в стороне, то у него сложилось впечатление, что их жизни не были такими уж интересными. Мерлин был в курсе практически всех событий своей эпохи и мог предсказать, чем они закончатся.

Для него мир ничем не отличался от картины. Картины, которая, по его мнению, была сродни божественному чуду и явно стоила того, чтобы ей любовались. Но чем больше она его интриговала, тем сильнее нависало над ним чувство отчуждённости. Будучи тем, кто сеял семена, он взирал на неё, словно бог. Если бы нашёлся компаньон, который мог бы посочувствовать ему, то жизнь Мерлина сложилась бы иначе.

Дошло до того, что он начал задумываться о том, чтобы лишиться себя жизни и вознестись к Трону, где над ним потешались бы предшественники. Подобные мысли не покидали его ни на секунду.

Но у Мерлина остался последний долг. Он должен был увидеть это собственными глазами. Смерть одного человека. Последнее мгновение возвращённого им короля.

— Интересно... Эпоха богов подошла к концу, вскоре за ней последует и Эпоха фей. Настанет Эпоха людей, но и ей суждено однажды закончиться. Когда планета перестанет вращаться, наступит Эпоха воли и мы начнём заселять космос. Тех, кто не сможет существовать без физической оболочки, оставят позади как пережитки прошлого. И всё же... мне интересно, почему я так сильно связан с человечеством.

Мерлин появился на свет благодаря уэльской принцессе и инкубу. Будучи камбионом, он являлся высшей формой жизни, обладающей духовной природой и способной существовать за счёт людей. Назвать такое существование полноценным было сложно. Ему самому казалось, что если бы он вырос как дитя инкуба, то его единственным желанием было бы резвиться в мире разума. С другой стороны он радовался тому, что у него развилась человеческая индивидуальность, которая позволила ему питаться не только чужими снами, но и собственными.

Несмотря на такое происхождение, Мерлину всегда нравились люди. На самом деле он их чрезмерно обожал. Вместо того, чтобы жить со своими собратьями, феями и гигантами, он обнаружил себя на стороне людей, возвращающим и наставляющим множество королей, дабы обеспечить лучшую эпоху для человечества. Даже среди людей и рыцарей он всегда широко улыбался, страстно наслаждаясь их деяниями.

К своим подопечным Мерлин относился так же, как и к цветам, из-за чего его потом прозвали одним из лучших «создателей королей» в мире. Потому что он желал

закончить свою картину красиво, вписать в неё «счастливый исход для человечества». Однако в ней не было любви к человечеству в целом или же к кому-то в частности.

Людам Мерлин казался весёлым, но его сущность была совершенно иной. Обычный человек сказал бы, что по своей истинной природе он сильно походил на насекомое, крайне механическое и объективное существо. Его мысли были слишком бессвязными и несовместимыми для разумных обитателей этой планеты.

Мерлину нравилось всё возвышенное и прекрасное, но для этого «влечения» не было никакой причины. Просто это идеально закрывало дыру в его сердце. «Наследие человечества» его тоже интересовало, но он был существом, не способным сопереживать тем, кто это наследие создавали.

«Это произведение искусства прекрасно. Однако мне нет дела до его содержимого, и я не могу постичь радости и печали, которые чувствовал творец. Я не понимаю его, и не вижу в нём ценности. Я просто нахожу его прекрасным».

Мерлин сам осознавал чудовищность своих вкусов, но ничего не мог с этим сделать. В конце концов, такими инкубов создала природа. Во снах они ценят питательность, а не их содержимое. Люди ведь тоже не задумываются о животных, которых едят за столом, какими бы выдающимися они ни были при жизни.

— Я поддерживаю себя, насыщаясь снами. Однако, несмотря на то, что радостные сны для меня предпочтительней, кошмары, говоря практически, более питательны. Можно сказать, что для возобладания радости над отчаянием человек должен преодолеть испытания во много раз сложнее, чем даже самый простой кошмар. Поэтому и ноша на плечах грезящего гораздо тяжелей.

Думая, что он находился достаточно далеко для того, чтобы даже когти злой ведьмы не смогли его достать, Мерлин остановился. Перед ним высились грубые каменные врата, своими огромными размерами напоминавшие Стоунхендж. За вратами простирались те же пустынные равнины.

На камне была выгравирована только одна фраза: «Лишь безгрешный может пройти».

— Вот как... Похоже, меня обманули.

Мерлин пожал плечами и бестрепетно миновал каменную арку, оставляя за собой след из цветов. Местность в тот же миг изменилась. Из земли выросли толстые каменные стены, окружив волшебника со всех сторон. Они уходили вверх и исчезали в бесконечности, образуя некое подобие башни без потолка.

Он обернулся и увидел, что врата исчезли, заключив его в центре бесконечно высокой каменной башни. Клетка площадью пять квадратных метров, выкованная из самого рая. Такова была истинная форма этого барьера. Похоже, некто, презирающий Мерлина, решил удостовериться, что он останется в этой башне до конца жизни.

— Я совсем не понимаю людей, правда. Цена такого проклятия огромна, соизмерима даже с жизнью самого колдуна. Как странно. Не помню даже, что я такого сделал, чтобы девчонка так меня возненавидела. Ну и ладно, раз не помню, значит, это неважно.

Лишь безгрешный может пройти.

Мерлин знал, что это была ловушка, но всё равно шагнул вперёд, потому что эти слова ранили. Он хоть и желал человечеству хорошего конца, но не питал любви к самим людям. Во имя процветания он приносил в жертву бесчисленные жизни, обращаясь с людьми так, словно они были насекомыми. Добру или злу не было места в его уравнении, как и любви с ненавистью. Поэтому Мерлин не чувствовал вины и считал, что «безгрешным» мог быть только он.

Если смотреть шире, то можно было сказать, что Мерлин на самом деле любил людей. Он активно вмешивался в их дела и наслаждался их поступками. Мерлин всего лишь протягивал человечеству руку помощи, создавая королей и не чувствовал ни вины, ни ответственности за то, что происходило со странами в итоге.

По крайней мере, пока не услышал прощальные слова одной девушки.

— Что ж... Полагаю, ничего не поделаешь.

Мужчина, заточённый в маленькую темницу, уселся на выступавший из земли камень, который был едва ли удобным, но достаточно высоким, чтобы он мог бросать взгляд в единственное окно.

Только сейчас он осознал, почему оказался здесь.

Это не было небо над настоящей Британией. Существовая в той же эпохе, он мог видеть весь мир. Вспоминая о пройденном пути, Маг цветов начал говорить с кошкой Палуга, своим фамильяром, который прятался в его мантии.

Конец уже близок. Но перед этим почему бы не поговорить немного о прошлом?